ЖИВОЙ ДОМ

В квартирах шипицынской трехэтажки, которые давали в награду за труд, пережито уже немало. Самым главным врагом был холод, будто впитавшийся в стены. После капремонта вздохнули свободнее – наконец, утеплились. Нет, дыхание у его жителей никогда не было по-бунински легким, но это не значит, что кислород надо перекрыть совсем..., чтобы задохнулись.

Жилой фонд сегодняшней России - на 80 процентов наследие другой страны, и необязательно быть приверженцем какой-то партии, чтобы с этим соглашаться или нет. Советские люди, переезжавшие из домов, где удобства были во дворе, были рады любому благоустроенному жилью, а уж в деревне жить в таком доме было просто невероятным везением. Во второй половине 80-х «своим горбом» заслужившие жилье шипицынские счастливчики заехали в новые квартиры с надеждой на достойную старость (а не на «дожитие», как любят выражаться некоторые реформаторы).

Лежачего не бьют?

Такой вот дом в Шипицыно, замерший сейчас, как перед вынесением смертного приговора, дышал полной грудью в те дни заселения. Почти все жильцы остались тут и по сей день. Два года назад сделали ремонт, на который пенсионеры несколько месяцев откладывали большую часть своей пенсии: пластиковые окна даже в подъездах, аккуратные синие балкончики – в едином стиле, у дома – клумбы, свежепобеленные бордюры.

Поднимаемся на второй этаж дома, знакомимся с хозяевами «двушки», семейной парой. Кожа

у Прасковьи Ивановны Атаманцевой как папиросная бумага – тонкая и белоснежная. Она лежит, будто только проснулась, но на самом деле не встает с постели больше 10 лет. Муж ее, которого все между собой называют по-свойски дед Андрей (по паспорту он Генрих Брестель), старательно ухаживает за ней. Так, как можно ухаживать 92-летнему старику с одной рукой за неподвижной женой 80-ти лет. Но он в свои годы остается настоящим мужчиной – поддерживает порядок в своем маленьком мире. Гостей здесь не ждали, но в квартире даже стулья стоят по стойке «смирно». Сам Генрих Генрихович заявляет, что социальные помощницы приходят через день и очень выручают его. «Дед Андрей» работал механизатором, и однажды не смог завести мотор трактора. «Затянуло руку под ремень и крутило. Если бы люди не подбежали, его бы убило», - делая паузы между словами, чтобы вздохнуть, произносит бабушка. На долгую речь дыхания у нее не хватает.

В молодости повар Прасковья Атаманцева бегала дай Бог каждому: работать начала с 12 лет. «Надо было жить», - говорит она. Отец пропал без вести на фронтах Великой Отечественной, и самое яркое воспоминание ее детства, как плакала, провожая его. Мать осталась с пятерыми одна – мал мала меньше. «В колхозе ничего не платили, даром работали, - говорила она. – 200 граммов хлеба в день на одного, мы все время были голодные. Плохо жили». Самым лучшим временем она назвала сегодняшнее, лежачее - «Сейчас нормально живу, болею только вот, да дед за мной ухаживает». Вот где та самая не нарочитая жажда жизни! Депрессия? Да они и не слышали о ней!

Сердце болит...

Заходим в квартиру к 84-летней Валентине Максимовне Заврачаевой. Она делит ее с еще одной женщиной. Дети не могут помочь Валентине Максимовне: их нет. Тяжелый труд и босоногое детство сделали свое дело.

Фельдшер Ольга Петрова, которая нас проводит в квартиру, рассказывает: «Бабушка слегла с сердечным приступом, когда узнала про отключение отопления». Валентина Максимовна лежит у

самой балконной двери, от которой дует даже в не самый холодный майский день. Соцработник Галя, единственный близкий ей человек, помыла окна, но теперь они не закрываются - рассохлись. Бабушка охотно начинает разговор о себе и сразу заметно, что воспоминаниями ей поделиться удается редко.

А разговор получился, как под копирку с предыдущего: «Рано пошли работать, бросили школу. Ничего мы в детстве не видали... Нас трое было, папа погиб на войне, а мама одна...» Крепче уцепившись за палку с намотанной на нее тряпкой – самодельная трость - Валентина Максимовна заплакала. «Денег не платили в колхозе, за трудодни и работали. Мама и чабаном была, и свинаркой, а мы ходили с ней: помогали, учились. Сейчас комбайн зашел, все скосил, а раньше успевай все делать сам. Очень трудная работа была. Не ленились, на работу сами бежали и все выполняли, что скажут. Голодные были». И добавляет с жалостью, заметив наш интерес: «Нет у меня такой фотографии, чтобы показать вам колхозную жизнь, как мы босиком на быках боронили. Сейчас вот «туда не пойду, сюда не пойду», «тут не платят, тут мало платят», а мы за «так» работали. И быки идут да упадут, потому что такие же голодные, как и люди. Но люди не падали, не замерзали, не уставали...»

Пенсионеры тоже убыточны?

Прямо под окнами – та самая котельная, которая прежде и не мечтала о таком внимании к себе, как сейчас. Да, в прежние годы она не баловала теплом своих потребителей, но не она тому виной. И вот теперь, когда все вроде бы наладилось...

Ветеран труда, работник сельского хозяйства с 40-летним стажем Клавдия Егоровна Языкова по пути рассказывала о своей жизни: «Работы никакой не гнушались. Вручную доили по 20 коров, снег или дождь – в любую погоду бежишь на работу. И декрета никакого не было. Сыну было два месяца, когда меня опять погнали на ферму».

Из всех подъездов, услышав громкий разговор, охотно потянулись «собственники жилья», с трудом опираясь на свои трости - все пенсионеры, большинство из которых весьма преклонного возраста. Те, которых сегодня призывают нести ответственность за свое жилье и никого ни о чем не просить.

«Все, отрежут нас от тепла, не будет ни воды, ни канализации, - продолжила Клавдия Егоров-

на, теперь уже о наболевшем. - В подвале все застынет, а у нас там и картошка, и солонинка. Ну, куда будем ходить – нет ни туалета на улице, ни погреба, и помочь некому! Вот я за коммунальные услуги плачу то 5400, то 4800, трехкомнатные – по 6000. Обещают, конечно, что будет дешевле, но на установку ведь тоже нужны немалые деньги! А где их взять?»

Следующий наш собеседник, Надежда Головина, всю жизнь проработавшая в животноводческой бригаде, боится, что дом вспыхнет, как новогодняя елка: «Обмотаем его проводами, трубами, и что будет? Сгорим все!».

К сидящим на лавочке подходит Николай Никифорович Жмакин, 48 лет отработавший механизатором. Жена его тут же – Любовь Ефимовна. У нее инвалидность первой группы. Рядом с ней - Валентина Найденкова, с 15 лет работавшая на ферме, воспитавшая четверых детей.

Председатель ТСЖ Татьяна Евдохина, принимавшая самое активное участие в обсуждении и бывшая нашим гидом по дому, к удивлению, оказалась владелицей единственной печной трубы в стене. Ее квартира – отрезана от центрального

отопления за долги, но не мешает ей переживать за судьбу соседей.

«За многими ухаживают только соцработники, а инвалидности, болезни все заработали здесь, - рассказывает Наталья Долгих, квартира которой оборудована электрическим отоплением. – Когда при Халдианове строили этот дом, он всегда говорил, что дом предназначен для одиноких людей, а мы здесь в большинстве своем вдовы».

Обе они – и Наталья, и Татьяна – вроде бы не заинтересованы в борьбе, но СОВЕСТЬ не позволяет им оставить в беде целый дом беззащитных людей.

Главное, сходятся все в едином мнении, чтобы кочегары не пили. Если нормальная смена – тепло, но если бригада алкоголиков – трубы ледяные.

Жители дома хором благодарили нас... ну, хоть за внимание. Его им часто так не хватает. Для чего они жили? Поднять страну с колен – чтобы в конце жизни самим упасть перед ней на колени? А мы точно отдали им долги – за то, что имеем сейчас?

Олеся ПЕРМЯКОВА
Фото Дениса Ромова